

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ. В русской силлабо-тонике это двустопный из парно рифмующихся строк шестистопного ямба, каждая из которых поделена *цезурой* на два равных полустопия. Кроме того, эта форма предполагает чередование двустопий – не стихов! – с мужскими и женскими клаузулами (*ммжжммжжж...* или *жжммжжмм...*). Следует подчеркнуть, что александрийский стих – это не тип строфы (прежде всего из-за отсутствия *главного* признака – графического выделения двустопий), а способ организации стихотворного текста в целом.

Цезура традиционно располагается между третьей и четвертой стопой, при этом первое полустопие завершается, как правило, клаузулой мужской, реже – дактилической (когда третья стопа ямба заменена стопой пиррихия). В отдельных строках некоторых произведений цезура смещена в центр четвертой стопы, что является отступлением от нормы. Регулярное нарушение поэтом правила срединной цезуры приводит к тому, что читатель перестает воспринимать форму его произведения как “александрийский стих”.

Можно заметить и то, что данная твердая форма не имеет четкой связи с определенными жанром или тематикой, однако используется преимущественно в лирике и чаще всего – для выражения *ярких* эмоций, от элегического сплина до сатирического гнева, реже – для лиро-эпического повествования или пейзажных зарисовок. Обратимся к типичным образцам:

Надменный временщик, / и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец / и друг неблагодарный,
Неистовый тиран / родной страны своей,
Внесенный в важный сан / пронырствами злодей!
(К.Ф.Рылеев, “К временщику”, 1820)

Но где вы?.. Слушаю... / Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, / не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, / склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям / соратника иль друга.
(Д.В.Давыдов, “Бородинское поле”, 1829)

Вблизи семи холмов, / где так невыразимо
Воздушен на заре / вечерний очерк Рима
И светел Апеннин / белеющих туман,
У сонного Петра / почитает Ватикан.
(А.А.Фет, “Даки”, 1856)

В то же время исторически александрийский стих связан с эпосом. В середине XII в. во Франции поэтами Ламбером ле Тором и Александром Де Берне был создан “Роман об Александре”. Это стихотворное эпическое произведение повествовало о временах Античности, о деяниях Александра Македонского, которому, впрочем, создатели приписали черты современного рыцаря, не лишённого куртуазных манер. Подобные произведения больших форм, посвященные псевдоантичной тематике, пользовались успехом у читающей европейской знати. Объемный роман (20 000 стихов!), ранний вариант которого увидел свет в 1130 г. и дополнялся в течение нескольких десятилетий, завоевал общеевропейскую популярность на рубеже XII-XIII вв. Его часто именовали “Александрией” по аналогии с названиями античных эпических поэм (ср.: “Одиссея”).

Парадоксальный факт: использованная авторами “Александрии” форма силлабического двенадцатисложного стиха (сегодня известен как “французский двенадцатисложник”) на протяжении нескольких следующих веков не утратила своей свежести именно потому, что не срослась в сознании читателей с жанровыми разновидностями стихотворных романов Средневековья (в большинстве которых использован традиционный для той эпохи восьмисложник). На их фоне с течением времени все отчетливее ощущалась связь этой формы с оригинальным источником – “Александрией”. В преддверии возникновения во Франции классицизма стих получил название “александрийского” (франц. “alexandrin”), но использовался не в больших эпических формах поэзии, как того следовало ожидать, а в лирических стихотворениях.

Поэты-классицисты, вернувшие александрийский стих в большие жанры, придали его форме законченный вид. Если средневековый французский двенадцатисложник предполагал,

кроме смежной рифмовки строк (франц. “rimes plates”), наличие ударной *константы* лишь на двенадцатом слоге, то alexandрийский стих классицизма – еще и обязательное ударение на шестом.

Но следует ли из-за подобной “мелочи” различать две указанные формы? Следует, если учесть, что ударный шестой слог завершал первое полустишие. Он впервые четко обозначил *цезуру*, ее строгую позицию. Регулярная цезура после шестого слога придавала полустишиям alexandрийского стиха изысканную симметричность. В прежнем двенадцатисложнике цезура либо “плавала”, либо воспринималась менее отчетливо (в том случае, когда обозначаемую ей паузу отделял от сильного слога заканчивающий первое полустишие слог безударный).

Классический alexandрийский стих французской силлабики, к которому обращались П.Корнель, Ж.Расин, Н.Буало-Депрео, а затем поэты XVIII века, претерпел катастрофические изменения в начале века XIX, в период романтизма. А.С. Пушкин оценивает разрушение этой популярной формы в строфах “Домика в Коломне” (1830 г.), изъятых автором в 1833 г. при подготовке текста к печати:

Он вынянчен был мамкою не дурой –
(За ним смотрел степенный Буало),
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике назло
<...>
Hugo с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.

Теряя равенство полустиший, теряя сами полустишия, alexandрийский стих терял долю размеренности, плавности, уже не “шагал он чинно”. В пушкинское время он, по словам поэта, “...по всем составам/ Развинчен, гнется, прыгает легко”. Обращаясь к Расину, Вольтеру и Делилю, Пушкин констатирует: “Наш век обидел вас, ваш стих обидя”.

По существу, классический французский “alexandrieц” (6 слогов + 6 слогов) исчезает, превращаясь в тривиальный силлабический двенадцатисложник (12 слогов без фиксированной цезуры), в лучшем случае – в некое подобие античного “ямбического триметра” (4+4+4).

Но в это же время в русской силлабо-тонике он является одной из самых распространенных форм. Еще поэты XVIII века (В.К.Тредиаковский, М.В.Ломоносов и др.) обращались к alexandрийскому стиху, при этом соблюдая те правила, которые были намечены французскими классицистами. В поэзии русского классицизма alexandрийский стих имел лишь одно отличие: поскольку третья стопа ямба могла быть заменена пиррихием, ударение на 6-м слоге переставало быть обязательным и являло собой лишь тенденцию. Уже Ломоносов в эпиграммах, баснях, эпической поэме “Петр Великий” перемежал строки, первые полустишия которых завершались либо мужской, либо – при наличии пиррихия – дактилической клаузулой. Подобное можно встретить в стихах поэтов пушкинской поры и следующих поколений (прежде всего – у А.А.Фета).

Однако в ту же романтическую эпоху русские стихотворцы, подобно французским собратьям по перу, экспериментировали с alexandрийским стихом. Например, во многих стихах А.А. Дельвига обнаруживаются все признаки alexandрийского стиха, кроме одного – парной рифмовки, которая подменена перекрестной. И твердая форма “alexandрийца” разрушена, превращена в шестистопный ямб с фиксированной цезурой.

По-иному экспериментировал Пушкин. Уже в период 1817-1820 гг. рядом со стихами “Дориде”, “Нереида”, “Редает облаков летучая гряда...”, в которых первые полустишия строк оканчиваются преимущественно мужскими клаузулами, появляются стихи “Безверие”, “Дорида”, “Царское село”, многие строки которых содержат первые полустишия с клаузулами дактилическими. А в 1833 году, когда автор “Домика в Коломне”, готовя текст к публикации, откладывал в сторону строфы об alexandрийском стихе (заканчивающиеся, между прочим, словами “беру его себе”), он работал над драматической поэмой “Анджело”. В этой стихотворной драме он использовал alexandрийский стих, который в русской поэзии первой трети XIX века был тесно связан с лирическими жанрами.

Кроме того, он воспроизвел ранний опыт: множество строк заключали в себе первые полустишия с дактилическими клаузулами. В отдельных частях поэмы подобные строки уравниваются с другими, а в иных частях и количественно превосходят их. Игра с частой заменой

предцезурной стопы обеспечивала гибкость ритма: alexandрийский стих сохранялся, но возникало ощущение обновленной формы.

Был некто <i>Анджело</i> , / муж опытный, не новый	(дакт. клауз.)
В искусстве <i>властвовать</i> , / обычаем суровый,	(дакт. клауз.)
Бледнеющий в трудах, / ученье и посте,	(муж. клауз.)
За нравы <i>строгие</i> / прославленный везде <...>	(дакт. клауз.)

В середине XIX века антологические жанры, твердые строфы, исторические формы стиха, а в их числе и стих alexandрийский, не пользуются сколько-нибудь широкой популярностью у нового поколения стихотворцев, а главное – у демократической читающей публики: новое время располагает к “минимализму” в области художественных форм. Приверженность к alexandрийскому стиху сохраняют немногочисленные представители “эстетического” направления в русской поэзии (например, В.Г.Бенедиктов). К этой форме в ранних стихах достаточно регулярно обращался А.Н.Апухтин, его обращение к alexandрийскому стиху – едва ли не последняя попытка его воскрешения. Наконец, на рубеже XIX-XX вв. alexandрийский стих – редкое исключение из ямбических шестистопников.

В.Б.Семёнов

Источник: Л.В.Чернец, В.Б.Семёнов, В.А.Скиба. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., Просвещение, 2002. С. 87-91.